

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРАКТИКА И ФОРМА ОБУЧЕНИЯ ПОЛЕВОЙ РАБОТЕ

Иван Шупин

Иван Шупин – доцент Университета Версаль-Сен-Кантен-ан-Ивелин во Франции. Адрес для переписки: 55 Avenue de Paris, 78000 Versailles, France. chupinivan@yahoo.fr.

1. Расскажите, как и когда возникла идея проведения выездных полевых исследований? В какие места и как надолго Вы выезжали? В каких условиях приходилось жить? С какими практическими сложностями сталкиваться (на этапе подготовки/реализации проекта)?

Как-то само собой сложилось, что я оказался вовлечен в организацию этих исследований. В качестве преподавателя-исследователя¹ Французского университетского колледжа мне довелось организовать четыре выезда в поле в России. Каждый раз мы выезжали таким составом: около 30 студентов (20 – из Москвы и 10 – из Санкт-Петербурга) плюс, для руководства ими, 4–5 преподавателей-исследователей и приглашенных специалистов. Я брал на себя педагогические аспекты практики, а Анжелина Шубина, секретарь Колледжа, обеспечивала всю логистику.

Эта социологическая практика прочно вошла в колледжскую традицию с подачи Сириля Лемье, который в то время был куратором отделения социологии. Это была прекрасная идея, и здорово, что все директора Колледжа – Гийом Гаррета, Людовик Руайе и Оливье Кашлер – неизменно ее поддерживали. Некоторые науки – и социология в их числе – невозможно преподавать без передачи определенного набора практических навыков. Как говорил один из моих гуру, французский профессор: «Если ты не (в) поле, то ты ничто» («si tu n'es pas terrain, t'es rien»). Всякий раз мы старались создать команду, в которой были бы одновременно французские и российские (и, в любом случае, говорящие по-русски) преподаватели. Порой это давалось нелегко, поскольку наша практика во многом держится на энтузиазме и бесплатном труде.

---

¹ «Преподаватель-исследователь» (*enseignant-chercheur*) – характеристика определенной части университетских постов во Франции, подразумевающая, что зарплата дается не только за преподавательские часы, но и за проведение исследований, которые, в том числе, гарантируют и более высокое качество преподавания. Преподаватели Колледжа входят в эту систему, поскольку оплачиваются из французского бюджета. – *Прим. перев.*

Всего я организовал четыре практики, каждая длиной в неделю. Мы ездили в Ярославль, Смоленск, Вологду и Кострому. Этот выбор объясняется геополитическими и финансовыми соображениями. Чтобы не обидеть ни питерский, ни московский Колледж, надо было выбирать город примерно на полпути между Москвой и Санкт-Петербургом. Наверняка можно было бы устроить очень интересные полевые выезды и в других городах (в Перми, Екатеринбурге или южнее, например, в Астрахани). Но это было бы уже за пределами наших бюджетных возможностей.

Во время практики мы жили в гостиницах разной степени комфортабельности, но в целом соответствующих нормальному российскому стандарту (типа «Патриота» или «Спутника»). Наши студенты, мало привыкшие к такого рода командировкам, конечно, приходили в экстаз. Каждый день начинался с совместного завтрака и заканчивался совместным ужином студентов и преподавателей. Обеды каждый оплачивал себе сам.

На стадии подготовки были трудности организационного характера, поскольку нужно было прийти к согласию с преподавателем социологии из Санкт-Петербурга и с дирекцией обоих колледжей по поводу того, каких французских и российских преподавателей можно пригласить на практику. Их число регулировалось в зависимости от количества студентов и в целом всегда сводилось к минимуму из соображений экономии бюджета. Такого рода структурные проблемы типичны для любого процесса сотрудничества. Наши практики – это сплошная импровизация, но дело в том, что сам Французский университетский колледж как институция строится на импровизации настолько давно, что это стало вполне совместимо с профессионализмом.

Если смотреть на это с педагогической точки зрения, такая социологическая практика требует очень четкой организации (объединение студентов в группы по 2–3 человека, еженедельная работа с ними над постепенным определением их поля, планирование и сопровождение их первых интервью, длящаяся 4–5 недель работа над списком вопросов). В этом плане у меня нет ощущения особых трудностей, которые приходилось бы преодолевать, эта часть работы всегда доставляла мне большое удовольствие.

Кроме того, по просьбе дирекции Французского университетского колледжа посольство Франции в специальном письме предупреждало главных местных акторов (мэрию, губернатора) о нашем приезде и целях. Иногда они предлагали нам помощь. В моем случае это сотрудничество с российской стороной всегда было плодотворным, и местные власти нисколько не препятствовали нашей полевой работе. Например, в Костроме нам удалось встретиться и с депутатами-единороссами, и с избранниками от КПРФ. В Вологде один сотрудник мэрии помогал нам с контактами и организацией встреч. Однажды ответственный работник местного университета предложил нам свою помощь в организации доступа к базам данных. То есть в целом никто не чинил никаких препон нашей социологической практике.

Главная полевая трудность состоит, собственно, в доступе к полю. Иногда по ходу исследования всплывают разнообразные проблемы, причем не всегда там, где их больше всего ожидаешь. Помнится, как одна из наших групп студентов решила исследовать государственное трамвайное предприятие. В результате его дирекция

навязала им в качестве собеседников «образцово-показательных» работников, чьи бабушки и дедушки, родители, а теперь – и дети работали на предприятии. Подобные «отборные» респонденты стали для нас поводом обсудить особый тип регулируемого и помещенного под наблюдение полевого исследования. Поэтому очень важно было практически преодолеть эту проблему и проникнуть непосредственно в трамвайное депо, чтобы не ограничиваться фиксированием исключительно официального дискурса. Позже, уже вернувшись из полевой поездки, на втором курсе мы подробнее изучали данную проблематику в рамках более классического исследовательского семинара, посвященного написанию дипломной работы, обсуждая различные тексты, опубликованные в журнале *Genèses* (в частности, по поводу вышеописанного случая, обсуждалась статья «Как совладать с владетелями» (Chamboredon et al. 1994) и «Почему и как нужно учиться задавать неудобные вопросы» (Laurens 2007)).

Другая трудность состояла в расхождении позиций преподавателей по поводу критической роли социологии. В одном из городов мэр сделал основным своим пиар-аргументом политику помощи лицам с ограниченными возможностями. Однако начинающие социологи, разговаривая с некоторыми инвалидами и сопровождая их во время перемещений по городу, выяснили, что водители трамваев не предоставляли инвалидам возможность подняться в общественный транспорт и просто не использовали платформу доступа, которой были оснащены вагоны. В интервью водители объясняли, что другие граждане возмущались, что из-за задержек на остановках опаздывают на работу, часто жаловались на то, сколько времени все теряют на этих инвалидов... Так вот, мне вспоминается завязавшийся тогда между преподавателями спор по поводу социологической интервенции: в какой момент заканчивается отстраненное наблюдение социальной несправедливости? Должны ли молодые социологи лично вовлекаться в такие ситуации? Такого рода вопросы вызвали бурные дебаты между педагогами. Один из них желал, чтобы студенты пошли до конца и организовали пресс-конференцию, рассказали бы о своих наблюдениях общественности, другой считал, что не стоит раскручивать эту тему. В результате мы не стали ставить точку в споре и совместно пришли к решению предоставить студентам право самим решать, какая у них будет роль и что они предпримут. А главное, во время общего утреннего собрания мы отдельно обсудили этот вопрос с педагогической точки зрения.

2. Как формировалась и эволюционировала тематика Ваших полевых исследований? Связана ли она в большей степени со спецификой изучаемого региона, с интересами и теоретическими предпочтениями участников или с другими обстоятельствами?

Всякий раз нам необходимо очертить некий широкий тематический контур, в который вписались бы сразу около полутора десятков полевых кейсов. При этом нельзя, чтобы две группы оказывались в одном и том же поле, поскольку это неминуемо породило бы конфликты. Именно этой терпеливой подготовительной работе мы с петербургской коллегой Косминой Гебор посвящали 4–5 недель перед выездом на практику. Среди найденных общих тем были спортивные практики, транспорт, пи-

тание, масс-медиа и культура. Наиболее сильная социальная дистанция между студентами-социологами и их респондентами выявилась во время практики по транспорту, поскольку им приходилось погружаться в рабоче-крестьянскую среду, которая для большинства из них крайне далека и даже чужда. Поэтому нам нужно было ежедневно работать с этой социальной дистанцией, и это лично меня очень сильно стимулировало и очень многому научило.

Выше я уже говорил об обстоятельствах, ограничивающих выбор места проведения практики. Выбор спортивной тематики исходил от меня. Это связано с моей собственной социализацией и спортивным прошлым – в течение десяти лет я серьезно занимался гандболом и играл в нескольких региональных командах (в частности, в парижской). Мне довелось даже быть тренером по гандболу. Однако этот выбор совсем не совпадает с моими собственно исследовательскими интересами.

В то время я был в поисках достаточно широкой и в то же время интересной темы для социологических экспедиций. Вера Никольски, которая участвовала с нами в практике 2011 года и была моей предшественницей на месте преподавателя социологии в Колледже, в свое время тоже долго занималась спортивной борьбой и поэтому с энтузиазмом восприняла мое предложение. Идею работать по теме, связанной с питанием, подала Анна Колен-Лебедева, которая еще до Веры также работала преподавателем-исследователем в Колледже. Очевидно, что приглашенные со стороны участники обычно отыскиваются через сети колледжских «бывших». Благодаря этому и удается поддерживать «особый дух» этой практики, основанный на инициации и передаче определенного рода практических навыков, а главное – этике простого и честного товарищества...

И спорт, и питание были очень интересными темами, в рамках которых можно было найти много разнообразных полевых кейсов. Единственная тема, которая непосредственно затрагивала мои интересы, это тема масс-медиа и культуры, поскольку я занимаюсь исследованиями СМИ. Готовя нашу последнюю, четвертую практику, мы с Косминой Гебор решили, что в конце концов вполне заслужили право доставить себе это удовольствие!

3. Какие задачи в первую очередь решает экспедиция? Как в ней соотносятся исследовательские и образовательные цели? Какую роль экспедиции должны играть в образовательном процессе в целом?

Отвечаю на второй и третий вопросы, поскольку, на мой взгляд, они лучше сформулированы. Экспедиция – это момент, который соединяет одновременно исследовательские и обучающие задачи. Это обучение исследованию. Студенты должны овладевать практиками качественного исследования, которые довольно мало в таком виде преподаются в России, поскольку функционалистская социология сохраняет весьма сильное влияние, и отношение к полю по-прежнему основано по большей части на проведении исследования в формате «опроса». Мы обучаем углубленному интервью, наблюдению, этнографическому методу, которые в дополнение к количественным методам, преподаваемым в Колледже на втором курсе, составляют базовый инструментарий современного социолога.

Эта экспедиция – своеобразный тест, который призван либо подтвердить в студенте призвание к социологии и социальным наукам, либо наоборот, дать ему понять, что это не его путь. Помимо этих образовательных целей каждая экспедиция становилась источником настоящих открытий как для студентов, так и для нас самих. Мне кажется, социология как раз и интересна такого рода открытиями, как это хорошо показывает Питер Бергер в «Приглашении в социологию». Особый научный интерес зиждется прежде всего на том, что наша работа состоит в аккумуляции разнообразных полевых кейсов, в результате которой довольно быстро вырисовываются некие силовые линии и общая картография изучаемого местного пространства. Постепенно студенты четче очерчивают свое поле, затем вырабатывают гипотезы, потом конструируют исследовательскую проблематику и, наконец, основной тезис и план. Все это получается весьма по-картезиански, что, наверно, составляет некую особенность «французской школы» социологии, хотя она также во многом вдохновляется и методикой Чикагской школы.

Парадокс состоит в том, что исследовательская работа, в том виде, в каком она практикуется в наше время, все более индивидуалистична (подсчет числа публикаций, индекс цитирования и т.п.) или же основывается на установлении временных союзов и коллективов с целью получения финансирования (ср. работу Национального агентства по науке Франции (ANR)²). Здесь же – совсем иная реальность. Это коллективный подход: и жизнь, и работа происходят в коллективе. В этом смысле я бы даже сказал, что эти экспедиции – еще и школа взаимоуважения. Я был счастлив участвовать в этих эпизодах микросопротивления, идущих наперекор духу времени.

4. Охарактеризуйте методику проводимых полевых работ и особенности координации таких проектов в качестве руководителя экспедиции. Удастся ли реализовать коллективный дизайн исследования или более продуктивной является стратегия координации индивидуальных/групповых мини-исследований, объединенных единством места и времени?

Вопрос, по-моему, слишком узко сформулирован, я на него уже ответил. Экспедиции – это коллективное дело, и поэтому они не соответствуют духу времени. Что и прекрасно...

5. Что дал опыт выездных полевых исследований лично Вам? Насколько Вы удовлетворены результатами? Какие коррективы в работу Вы, возможно, хотели бы внести в будущем?

Довольно трудно сказать, что лично дал мне этот опыт. Я бы сказал, что это позволило мне по-новому открыть для себя Россию. Когда я приехал сюда, я немного говорил по-русски, но совсем не знал страну. Поэтому мне было крайне интересно узнать о социальных практиках россиян. В том, что касается социологии спорта, мне,

---

² L'Agence Nationale de la Recherche – созданный в 2005 году государственный фонд, занимающийся краткосрочным финансированием исследовательских проектов на конкурсной основе, в форме «исследовательского контракта». – Прим. перев.

например, было очень любопытно наблюдать борьбу между государством и частными предпринимателями за контроль над некоторым спортивным материально-техническим обеспечением. Я был поражен высокой организованностью тренировок и жесткостью тренеров в спортивных школах (это были почти исключительно женщины), а также их почтенным возрастом (в среднем – лет под семьдесят!), спортивными нормативами и дисциплиной, которую они установили среди совсем маленьких, шести-семилетних детишек. Это, наверно, попахивает стереотипом, но меня это погрузило в детские воспоминания. Мне вспомнилась Надя Команечи, молоденькая румынка, которая стала живой легендой, выиграв все возможные медали на Олимпийских играх. Если рассуждать с большим аналитизмом, было очень интересно изучить, на каких базах построена система обучения кадров большого спорта и как она трансформировалась в преддверии Олимпийских игр в Сочи.

В области социологии транспорта мне было очень любопытно понять, в чем состоит разница в организации «официальных такси» и «бомбил» и изучить весь механизм функционирования «диких такси» (как часто их называют во Франции). Это было тем более интересно, что я и сам очень часто передвигался по Москве на «бомбилах». Это лишь несколько примеров того, чем были ценны для меня эти экспедиции. Накопленный в этих поездках опыт не только обогатил мои знания о России, но и помогает в моей собственной исследовательской практике – благодаря ему я могу описывать вещи наиболее точно и в максимально приближенном к реальности виде. Кроме того, благодаря этому опыту я способен контекстуализировать свои объекты исследования в более широком социальном пространстве, которое не заканчивается за пределами МКАДа.

Я очень доволен результатами этих экспедиций. Хотелось бы выразить благодарность дирекции Колледжа и посольству за то, что они поддерживают такого рода проекты. Если говорить о возможных «улучшениях» этих экспедиций, я думаю, что, прежде всего, следует изыскать дополнительные средства для нормальной оплаты труда преподавателей и для того, чтобы можно было привлечь больше преподавателей – это улучшило бы координацию в поездках. При наших раскладах каждый преподаватель должен был следить за тремя группами в день. Поэтому ему приходилось очень много перемещаться на разных видах транспорта (и к тому же все это в незнакомом городе), подключаться к полевому процессу в полном разгаре (не зная ни его зачина, ни завершения), наблюдать за работой групп и при необходимости регулировать ее. Все это было довольно утомительно.

Кто-то, конечно, возразит мне, что в этом-то, помимо прочего, и состоит «дух практики», но мне всегда было сложно смириться со столь преднамеренным и организованным характером неустроенности, которая характерна для наших современных обществ. Несмотря на эти оговорки, я от всей души желаю долгих лет и благополучия этим социологическим экспедициям.

Авторизованный перевод с французского Анны Зайцевой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Chamboredon, H  l  ne, Fabienne Pavis, Muriel Surdez, and Laurent Willemez. 1994. "S'imposer aux imposants: A propos de quelques obstacles rencontr  s par des sociologues d  butants dans la pratique et l'usage de l'entretien." *Gen  ses* 16(16):114–132.

Laurens, Sylvain. 2007. "'Pourquoi' et 'comment' poser les questions qui f  chent?: R  flexions sur les dilemmes r  currents que posent les entretiens avec des 'imposants'." *Gen  ses* 4(69):112–127.

THE SOCIOLOGICAL EXPEDITION AS RESEARCH PRACTICE AND A FORM OF HANDS-ON FIELDWORK TRAINING

Ivan Chupin

Ivan Chupin is Associate Professor at the University of Versailles Saint-Quentin-en-Yvelines, France. Address for correspondence: 55 Avenue de Paris, 78000 Versailles, France. chupinivan@yahoo.fr.